

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник статей
памяти академика Н. И. Конрада

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

О. Л. Фишман

Н. И. КОНРАД — ИСТОРИК КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В одной статье невозможно сколько-нибудь полно охарактеризовать деятельность Н. И. Конрада как историка китайской литературы — слишком обширной и многосторонней была эта деятельность. Поэтому приходится остановиться лишь на нескольких наиболее существенных моментах, которые, как кажется, могут помочь ответить на вопрос, что нового внес Н. И. Конрад в исследования китайской литературы. К ответу на этот вопрос можно прийти через решение вопросов о том, какие явления китайской литературы особенно интересовали Николая Иосифовича (т. е. каким был материал его исследований) и каким образом он рассматривал эти явления (т. е. каковы были методика и методология его исследований).

Перечисление всех работ Н. И. Конрада, посвященных истории китайской литературы, заняло бы слишком много места, ибо его наблюдения и выводы, касающиеся китайской литературы, заключены подчас в рамках работ, выходящих далеко за пределы одной этой литературы и даже литературы всего дальневосточного региона. Напомним лишь о том, что первые статьи Н. И. Конрада, связанные с отдельными явлениями китайской литературы, появились еще в 1924—1925 гг. в журнале «Восток» (рецензия на «Антологию китайской лирики»¹ и рецензия на два тома переводов В. М. Алексеева избранных рассказов Пу Сун-лина²). Примечательно, что уже в первой рецензии, говоря о превосходных переводах

Ю. К. Щуцкого, Николай Иосифович наметил три возможных пути художественного перевода китайской лирики и упоминал о стремлении переводчика приобщить китайскую поэзию к поэзии мировой, передать китайское стихотворение так, «как оно проецируется на фоне общечеловеческом»; в то же время он говорил о возможности с помощью культурно-исторического анализа установить «синхронизмы», т. е. моменты «полной эквивалентности в своей относительности» китайской и русской культуры. В рецензии на переводы В. М. Алексеева Николай Иосифович наметил характеристику понятия «литература» в старом Китае, остановившись на трех факторах литературного явления: автор, сюжет, форма произведения («кто», «что» и «как»); в более поздних работах Н. И. Конрад возвращался к этой проблеме и специально посвятил ей статью «О понятии „литература“ в истории китайского народа»³.

В 1935 г. в сборнике «Восток» появилась статья Николая Иосифовича «Феодальная литература Китая и Японии», в которой уже намечался широкий сравнительно-исторический подход к явлениям литературы, отличавший более поздние его работы. Основной массив этих, более поздних, работ Н. И. Конрада был создан за последние пятнадцать лет. В центре этих работ проблема периодизации китайской литературы, решавшаяся Н. И. Конрадом не традиционным порядком, а по-новому. Отказавшись от династийной периодизации китайской литературы, Н. И. Конрад заменил ее периодизацией историко-культурной. Предложенное им деление на древность, раннее средневековье, Возрождение, позднее средневековье, Просвещение, новое время дает возможность рассматривать литературные явления в их неразрывной связи с культурой эпохи, вскрывая сущностный характер содержания той эпохи, когда возникали те или иные явления. Более того, такая периодизация, исходящая из концепции единства мирового литературного процесса, позволяет рассматривать китайскую литературу не изолированно, как делалось это до сих пор, а как часть мировой литературы. Исследуя исторические периоды, в которые еще не могли существовать прямые

¹ «Восток», М.—Л., 1924, кн. 4, стр. 174—178.

² «Восток», М.—Л., 1925, стр. 219—225.

³ Статья эта очень важна для изучения дальневосточных литератур в широком плане.

контакты культур стран Дальнего Востока с Европой (а следовательно, и литературные влияния и заимствования), Н. И. Конрад выявлял наличие связей типологического характера, обусловленных сходством условий культурного развития тех или иных стран мира.

В работах, посвященных древней китайской литературе⁴, Николай Иосифович выходил из круга чисто литературных явлений, рассматривая философские и исторические произведения китайской древности; выдвигая тезис о родстве разных древних культур, он сравнивал экономику, политику, право, проводил блестящее сопоставление Полибия и Сыма Цяня — двух основателей философии истории на противоположных концах Старого Света.

Ряд работ Н. И. Конрада посвящен средним векам (отмечу особо статью «Средние века в мировой литературе», при жизни автора еще не вышедшую в свет); но больше всего Николая Иосифовича занимала китайская литература VIII—XV вв., которую он рассматривал как литературу китайского Возрождения. Исследуя творчество Хань Юя и Лю Цзун-юаня (деятели движения за «возвращение к древности»), танскую новеллу, произведения великих поэтов VIII в. Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэя, юаньскую драму, Н. И. Конрад пришел к выводу — не только блестяще постулированному, но и обстоятельно доказываемому, — что в истории китайской культуры была своя эпоха Возрождения, когда центром общественной жизни и культуры стали города как торгово-ремесленные центры, а основным деятелем культуры стал новый общественный слой — городская интеллигенция. Он показал, что поскольку в процессе формирования новой городской культуры прежние нормы и категории мышления мешали созданию нового, нужного для прогресса, то главным стала борьба с готовыми формулами и догмами (в частности со средневековыми догмами конфуцианства), создание новых норм мышления, выработка нового подхода к ценностям культуры (в частности борьба с предшествующей литературой «пяньли»).

В статье «Об эпохе Возрождения» Н. И. Конрад писал, что гуманизм эпохи Возрождения отрицал все, что

⁴ См., например, статьи «О рабовладельческой формации» и «Полибий и Сыма Цянь», — Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1966, стр. 33—53 и 54—88.

мешало духовной свободе человека, а «главным препятствием для этой свободы был... догматизм как принцип отношения к истине и схоластика как метод познания истины»⁵. Догматизму деятели Возрождения противопоставили свободу мысли, схоластике — творческое начало⁶.

Анализ творчества ряда китайских писателей и поэтов, содержащийся в таких статьях, как «Хань Юй и начало китайского Ренессанса», «„Восемь стансов об осени“ Ду Фу», «Три поэта», «Философия китайского Возрождения (о сунской школе)» и др., дает богатейший арсенал аргументов в пользу концепции Н. И. Конрада.

Большинство исследователей китайской культуры VIII—IX вв. сходятся в том, что это была переломная эпоха — время образования мощного централизованного государства, роста экономики, расширения международных связей, расцвета внешней и внутренней торговли, ремесла, роста городов и городской культуры, укрепления бюрократической системы, повышения роли купечества и ремесленников, борьбы новой служилой прослойки со старой земельной аристократией. Все исследователи китайской литературы отмечают небывалый подъем искусства, расцвет поэзии, новеллы, эссеистики, живописи и скульптуры. Но к этим характеристикам Н. И. Конрад добавляет то существенно важное, что позволяет определять идеологию и искусство Китая этого времени как идеологию и искусство эпохи китайского гуманизма, или шире — как культуру китайского Возрождения. Он определяет гуманизм как движение общественной мысли, в основе которого лежало стремление видеть в человеке высшую ценность, исходившее из признания «автономности человеческой личности, независимой от чего бы то ни было, кроме собственной природы с ее законами»⁷. На первый план выходит человеческая личность, гуманистическое искусство выдвигает активного человека, новая философия выступает против буддизма и даосизма как учений, «которые не признавали

⁵ Н. И. Конрад, Об эпохе Возрождения, — «Запад и Восток», стр. 269.

⁶ См. там же, стр. 270.

⁷ Н. И. Конрад, Хань Юй и начало китайского Ренессанса, — «Запад и Восток», стр. 119

человека высшей и автономной реальностью, высшим хозяином жизни»⁸. Для буддизма сама реальность была иллюзорна, даосизм отрицал всякую деятельность, отрицал цивилизацию⁹.

Н. И. Конрад показал, что «поэзия первая возвестила то новое в интеллектуальной, духовной жизни страны, что должно было сопровождать переход на новый этап истории»¹⁰. Показал он и значение деятельности Хань Юя и его соратников по движению за «гу вэнь», которое вызвало к жизни «свою философию и свою эстетику, свою художественную литературу и свое искусство, свою науку и свою публицистику...»¹¹. Показал он и то новое, что характеризовало новеллу VIII—IX вв. как явление китайского Возрождения. Это была литературная новелла на литературном языке, в центре которой стоял человек, «как личность, со своей психологией, со своими эмоциями, своей судьбой»¹². Новеллы были пронизаны гуманистическим умонастроением, они изображали конкретных индивидуальных людей, борющихся за свое счастье, стремящихся вырваться из тисков общественного мнения, традиционных сословных норм.

Говоря о городской повести X—XII вв., Н. И. Конрад отмечал ее демократичность, подчеркивал, что этот жанр китайской повествовательной прозы был более народным, чем литературная новелла предшествующей поры, «как по своему происхождению, так и по своей обращенности к более широкому кругу читателей»¹³.

Небезынтересно отметить, что исследования акад. Я. Прушека о городской повести дают дополнительные основания для рассмотрения ее как явления китайского Возрождения. Так, в статье «Боккаччо и его китайские современники» Прушек пишет: «Кажется удивительным, что эта урбанизация литературы, которая сделала возможным новый подход к человеку и новую оценку его

сущности, произошла почти одновременно в обоих концах Евразии — в Западной Европе и в Китае около 1300 г. Это еще один пример поразительных временных параллелей в развитии обеих этих зон, с которыми мы постоянно сталкиваемся при сравнении истории этих двух районов»¹⁴.

Сближая литературные явления, возникавшие в разных странах, но относящиеся к одной культурно-исторической эпохе, Н. И. Конрад проводил это сближение не на основе сравнения отдельных составляющих эти явления элементов, а путем выявления сущности, определяющей все компоненты явления. Вот почему его интересовали не всякие, пусть и крупные явления литературы, а творчество писателей переломных эпох, репрезентативные для этих эпох литературные жанры, течения и направления. Он оперировал странами и целыми регионами, периодами исторического развития и областями искусства, стремясь показать, что для разных стран мира существовала одна история, один общий исторический процесс; одни страны шли в ногу с этим процессом, другие забегали вперед, третьи отставали. Но это была необходимая в историческом движении неравномерность. В переломные же эпохи происходило как бы «выравнивание», и сущность исторического процесса вырисовывалась со всей ясностью (как это было, например, во второй половине XVI — начале XVII в., когда произошла первая капиталистическая революция в Нидерландах, крушение Ренессанса в Италии, появление первых элементов Просвещения во Франции, в Китае).

«...понять историческое содержание Ренессанса, — писал Николай Иосифович, — можно только на основе учета того, что имело место во всех странах, так или иначе затронутых этим движением... Ренессанс... как явление мировой истории во всем своем историческом значении раскрывается только при сопоставлении явлений Ренессанса как в отдельных странах, так и в каждой из возможных зон. И в этом свете гораздо отчетливей станут явления Ренессанса в каждой стране — их качество, их значение, их историческая роль»¹⁵.

Таким образом, труды Н. И. Конрада по китайской

⁸ Там же, стр. 128.

⁹ См. там же, стр. 132.

¹⁰ Н. И. Конрад, Три поэта, — «Запад и Восток», стр. 156. В другом месте Н. И. Конрад пишет: «...эпоха Возрождения — еще феодализм, но уже переходящий на новый, городской этап своей истории» («Об эпохе Возрождения», стр. 277).

¹¹ Н. И. Конрад, «Средние века» в исторической науке, — «Запад и Восток», стр. 91—92.

¹² Н. И. Конрад, Об эпохе Возрождения, стр. 266.

¹³ Там же, стр. 265.

¹⁴ J. Průšek, Chinese history and literature, Prague, 1970, стр. 450.

¹⁵ Н. И. Конрад, Об эпохе Возрождения, стр. 279.

литературе вводили ее в русло литературы мировой, рассматривали явления китайской литературы как часть всемирного культурного процесса. Насколько важным считал Николай Иосифович именно такой метод литературоведческой науки, видно, в частности, из его записки «О структуре 2-го тома Истории всемирной литературы», где он писал: «Нельзя не видеть, что всемирная литература не существует сама по себе, а проявляется через отдельные литературы, литературы отдельных частей человечества», каждая отдельная литература, «сохраняя свое собственное лицо», выступает «как звено в общем — всемирном — литературном ряде, как этапы большого сквозного процесса».

Естественно, что такой подход к литературе требует новых методов работы литературоведов. В статье «Старое востоковедение и его новые задачи», не случайно открывающей книгу «Запад и Восток», Н. И. Конрад подчеркивал, что изучение литературного произведения должно быть комплексным, ибо «само это произведение — комплекс», «факт реальной истории», вмещающий в себя «в тех или иных соотношениях многие элементы исторической действительности своего времени». Помимо комплексного подхода существует подход специализированный, когда произведение литературы изучается «как некое явление, в нем представленное и характеризваемое своим определенным признаком», как явление в ряду других, сходных или близких по этому признаку. Филологическое востоковедение, поясняет Николай Иосифович, изучает памятники письменности как явление духовной культуры создавшего их народа. Специализированное востоковедение изучает не памятники такой культуры, а отдельные сферы исторической, культурной жизни народов, отраженные в памятниках. «А обе эти отрасли научного востоковедения выполняют, каждая со своей стороны, общую задачу: описание и объяснение картины исторической и культурной жизни Востока — как в целом этой жизни, так и в ее отдельных сферах и моментах». Новая задача, вставшая перед востоковедением, формулируется Н. И. Конрадом следующим образом: реконструировать некоторые положения общей теории, моделировать общие категории из материала Запада и Востока, «...способствовать своим материалом разработке общей теории, охватывающей все стороны

истории и культуры человечества, теории, построенной на истории всех народов, без разделения их на восточные и западные...»¹⁶.

Этой задаче и была подчинена творческая деятельность Н. И. Конрада — историка китайской литературы.

Если о стиле писателя речь заходит довольно часто, то о стиле литературоведческих исследований упоминают крайне редко, — а ведь немаловажно, в какой манере ведется повествование в статье или книге, посвященной литературе. Важно не только что сказано, но и как это сказано. Особенно важно это в том случае, когда статья или книга содержит сложный материал, выдвигает новые, неожиданные гипотезы и выводы. То, что Н. И. Конрад был стилистом, чьи работы написаны языком необычайно выразительным, темпераментным и изящным, знают все, кто читал эти работы. Но хочется обратить внимание на одну особенность построения его статей, возможно, в какой-то мере объясняющую секрет их обаяния. Изложение того, что добыто исследователем в ходе анализа литературного произведения, культурного явления или исторической эпохи, крупное обобщение, являющееся кульминационным пунктом работы, подается Николаем Иосифовичем в манере, восходящей от фиксирования простого, бесспорного, иногда само собой разумеющегося к сложному, часто неожиданному и даже парадоксальному открытию. Примером может служить еще неопубликованная статья «О Барокко». За небольшой терминологической статьей, уточняющей термин «Барокко», стоит труд целой жизни, одна из главных мыслей, пронизывающих все работы Н. И. Конрада, — мысль о единстве всемирно-исторического, а следовательно, и историко-культурного процесса. Он прослеживает это единство от древности, через средние века, вплоть до нового времени. Работа начинается, казалось бы, с простого и самоочевидного установления того, что такое барокко в узком смысле слова: «Первый ответ — совершенно прост: это — стиль, характерный для западноевропейского искусства конца XVI и всего XVII века; некоторые включают сюда и начало XVIII в.». Далее

¹⁶ Н. И. Конрад, Старое востоковедение и его новые задачи, — «Запад и Восток», стр. 12, 14, 31.

этот «узкий смысл» расширяется. «Такой ответ порождает новый вопрос: какого искусства? — пишет Николай Иосифович. — Или лучше сказать: всей ли совокупности различных видов искусства или только некоторых? Может быть, даже одного? Первый ответ на этот вопрос также не сложен: барокко — стиль всех видов изобразительного искусства, т. е. живописи, скульптуры, но и архитектуры». Далее уточнение дополняется: «Затем к ним присоединили музыку, с некоторым колебанием — литературу».

Постепенно вместо «простейшей» формулы «стиля» выступает уже определение Барокко как эпохи. Устанавливается реальность этой эпохи и для Дальнего Востока: приводятся факты, свидетельствующие о том, что голландцы, проникшие в Японию,несли с собой культуру Барокко — первую европейскую культуру, занесенную на Восток. Но дело не только во влияниях. Восток был готов к восприятию этой культуры потому, что он переживал ту же эпоху, что и Запад: «Это была эпоха двух великих антиномий: средневекового и нового времени. Это была эпоха, когда средние века в последний раз громко, грозно и величественно заявили о себе и уже особым голосом. Это была эпоха, когда новое время еще путанно, но все увереннее подымало свой голос». И после этой формулы идет блестящая аналогия: «Подобная обстановка была в истории до этого только раз: когда древность столкнулась со средневековьем. Для Запада это была великая Александрийская эпоха; культурно-исторически — эпоха александризма в искусстве, для Китая же — эпоха Троецарствия». И, наконец, следует *pointe* статьи — прыжок к нашему времени с его антиномиями. Аналогия неожиданная, но очень убедительная.

На одном этом примере видно, что Н. И. Конрад у высокой степени было свойственно умение абстрагировать самое простое, самое ясное. Сначала даже кажется, что он сообщает своему читателю давно известные истины. Но эта простота — лишь прием. Николай Иосифович ведет читателя от одних простых истин к другим, которые тоже кажутся простыми. И вдруг, в какой-то момент читатель, следовавший за ученым по пути его бесспорных рассуждений, оказывается подготовленным к тому, чтобы согласиться с его сложными, неожидан-

ными и абсолютно новыми выводами. Такая система доказательств — торжество логики. Люди, воспитанные на категорических утверждениях, отвыкают от логических доказательств. Если они что-либо и доказывают, то с помощью конкретного факта или цитаты. Аргументация Н. И. Конрада основана на другой методике: ведя читателя от бесспорного к спорному, он нигде не злоупотребляет доверием читателя, не ссылается на авторитеты. Читатель сам участвует в доказательствах, присутствует при рождении концепции, становится свидетелем творческого процесса. Статьи Н. И. Конрада глубоко научны, насыщены фактами, поражают блеском и глубиной эрудиции, но эта эрудиция не «давит» на читателя, а помогает ему пройти через века и страны вслед за умным, тактичным и терпеливым гидом.

* * *

Изучая культуру переломных эпох, выявляя особенности китайского Возрождения и Просвещения, сопоставляя их с Возрождением и Просвещением в странах Западной Европы, Н. И. Конрад и востоковеды, работающие в русле его концепции, употребляют слово «сходство», а не слово «подобие» или «тождество», так как ни одна страна в мире не воспроизводит в точности путь другой страны (и это относится не только к странам Востока в сравнении их с Западом, но и к западноевропейским странам в сопоставлении их друг с другом). Между тем противники метода типологических сходжений ждут от сторонников этого метода доказательства полного тождества сопоставляемых явлений, и, получив этих доказательств, игнорируют существеннейшие моменты сходства, чтобы априорно отрицать даже возможность сходства.

Принятые в нашей науке характеристики той или иной культурно-исторической эпохи порой становятся готовыми шаблонами, и, если явления какой-либо восточной литературы не полностью подходят под такой шаблон, не целиком укладываются в известную схему, этого оказывается достаточно, чтобы поставить под сомнение возможность рассмотрения данной литературы в рамках определенной культурно-исторической эпохи. Существует что-то вроде «нормы» европейского Просвеще-

ния, нашедшей свое классическое воплощение в искусстве передовых стран Западной Европы. «Нормальное» европейское Просвещение развивалось в определенных исторических условиях, оно возникло в результате кризиса феодального мира и нарастания в его недрах элементов нового, капиталистического строя. Зная это положение, принимая его за «норму», исследователи иногда преувеличивают «буржуазность» европейского Просвещения и, ослепленные этим, считают, что страны, не достигшие того уровня экономического развития, на котором находилась Европа в XVIII в., не знали стадии развития, аналогичной европейскому Просвещению. При этом упускается из виду, что в разных странах Европы уровень экономики не был одинаковым (сравним, например, Англию XVIII в. с Россией или Германией), и характер просветительского движения тоже не был повсюду одинаковым. Забывают о том, что экономически отсталая Германия XVIII в. занимала передовые позиции в области философии. «Эта позорная политическая и социальная эпоха была в то же время великой эпохой немецкой литературы»¹⁷, — писал Ф. Энгельс, характеризуя Германию эпохи Просвещения. Это же явление отмечал и Генрих Гейне в книге «К истории религии и философии в Германии»: «Между тем как простой народ оставался под гнетом немецкой свинцовой спячки и какая-то скотская неподвижность царила во всей Германии, наш литературный мир был охвачен самым иступленным брожением и бурлением»¹⁸.

Среди доводов тех, кто возражает против распространения концепции единства мирового литературного процесса на страны Востока, прежде всего обращает на себя внимание такое заявление: «Это невозможно, потому что этого просто не может быть». Обычно это приходится слышать не от востоковедов, ибо в их представлении Китай VIII—X вв. был таким же примитивным в плане культурно-исторического развития комплексом, каким была Европа этого времени.

Другой аргумент — обвинение в европоцентризме. Терминологически это обвинение несостоятельно. Евро-

¹⁷ Ф. Энгельс, Положение в Германии, — «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», М.—Л., 1938, стр. 297.

¹⁸ Г. Гейне, Собрание сочинений в 10 томах, М., 1953, т. 6, стр. 124.

поцентристами были те востоковеды, которые признавали как эталон только европейскую культуру, а культуре Востока отводили второстепенное место как «отсталой» или «экзотической». Сторонники же концепции единства мирового культурно-исторического процесса вводят культуру Востока в русло культуры мировой на равных правах с европейской культурой (выступая тем самым и против европоцентризма, и против азиатского национализма), вскрывают то общее, что сближает литературы Востока с литературами других регионов, исследуя вместе с тем специфику восточных литератур, которые в древности и в средневековье опережали, как правило, в своем развитии европейские литературы.

Если стать на точку зрения тех, кто упрекает Н. И. Конрада и его последователей в европоцентризме, и развить эту точку зрения до ее логического конца, то (учитывая, что европейский Ренессанс не был однотипен, и итальянский Ренессанс не повторялся в точности, скажем, в Германии) придется признать, что в Германии вообще не было Ренессанса в точном смысле слова. Более того, флорентийский вариант Ренессанса не был повторен в других городах Италии в точной его модели, следовательно, уникальное Возрождение существовало только в одной Флоренции. Но даже и тут позднее Возрождение развивало и заимствовало черты раннего Возрождения, и, следовательно, во времени эта эпоха представляется чем-то весьма незначительным, а не «величайшим прогрессивным переворотом из всех пережитых до того времени человечеством»¹⁹ (заметим, что Энгельс говорит о человечестве, а не об одной Европе). Но если ограничивать Возрождение только Флоренцией, или даже всей Италией, сбросив со счетов ренессансную литературу Франции, Англии, Германии, Восточной Европы на том основании, что она не воспроизводила в точности все приметы «классического» итальянского Ренессанса, то можно ли будет говорить о Ренессансе как об эпохе, как о культурно-историческом явлении? Прав был Н. И. Конрад, когда писал, что понимание места и содержания такого явления мировой истории, каким был Ренессанс, «достигается изучением Ренессанса во всех

¹⁹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 346.

странах, где он был. Эпоха Ренессанса окажется тогда не исторической случайностью, какой она в аспекте всемирной истории должна быть признана, если считать, что она была только в истории Европы, а исторической закономерностью»²⁰.

Приходится слышать рассуждения и о том, например, что если китайское Возрождение «возрождало» Конфуция, а не Платона и Эпикура, то термин «возрождение» вообще утрачивает свой смысл. При этом совершенно не учитывается то немаловажное обстоятельство, что китайское Возрождение возрождало не Платона и Эпикура. Эти имена — «сигналы» для обозначения совершенно нового, небывалого комплекса идей, и, чтобы убавить элемент необычного, чтобы примирить своих современников с оригинальностью этих идей, мыслители Возрождения как бы утверждали, что все это не так уж ново²¹, что, отрицая средневековье, они лишь возрождают Древность, когда уже были в наличии сходные гуманистические идеи. Смысл Возрождения — не в системе Конфуция или Платона, а в противопоставлении цеховому, кастовому строю средневековья, при котором нивелировалась личность, теснимая корпорацией, героического индивидуализма, утверждения внесловной ценности личности; в раскрытии мира и человека²².

²⁰ Н. И. Конрад, Старое востоковедение и его новые задачи, стр. 23.

²¹ Нельзя забывать и того, что для Китая это облачение нового в старые одежды особенно характерно, потому что без ссылки на старые авторитеты, без утверждения, что «все это уже было», труд историка или философа вообще не принимали всерьез, и это учитывал каждый китайский мыслитель не только в эпоху средних веков, но и в новое время.

²² В ряде своих работ Н. И. Конрад писал о том, что «возрождение» древности в эпоху Ренессанса не означало возвращения к рабовладельческому строю: «Речь шла о некоторых элементах культуры античного мира, в котором деятели итальянского Ренессанса справедливо или произвольно усматривали как бы прообраз того, что они хотели видеть у себя, в свое время» («Три поэта», — «Запад и Восток», стр. 156, см. также стр. 102, ст. «Средние века» в исторической науке»). В другом месте, в статье об «Эпохе Возрождения», Николай Иосифович писал: «Нельзя было вернуться и к идеологическим системам древности. Паганизм фанатических поклонни-

Фетишизация национальной специфики приводит противников типологических схождений к утверждению о том, что подобные схождения немислимы в силу абсолютной несхожести типов художественного мышления²³. Неисторичность подобного тезиса очевидна: о совершенно несхожих типах художественного мышления можно было бы говорить в том случае, если бы делалась попытка сопоставлять две весьма далекие друг от друга стадии в развитии культуры человечества, а не мышление людей одной эпохи, пусть и живущих в разных точках земного шара.

Наконец, еще один, промежуточный, компромиссный аргумент: о Возрождении и Просвещении на Востоке (в частности в Китае) говорить можно, но только в смысле метафорическом. Здесь мы опять имеем дело с терминологической путаницей. Метафора — это сближение двух понятий по субъективному, случайному признаку, и чем сравнение субъективнее, неожиданнее, тем выше его поэтическое достоинство. В науке же сравнение идет не по случайным, а по основным, существенным признакам. Недаром, сближая литературные явления, возникшие на разных концах земли, ставя вопрос о Возрождении в Китае или о Просвещении в Японии, Н. И. Конрад решал этот вопрос не путем выявления субъективных, «метафорических» черт сходства, а путем установления основного, сущностного, родового признака. Аналогичным образом решается и вопрос о наличии своей эпохи Просвещения в Китае XVII—XVIII вв., когда возникло идейное движение с ориентацией на дискредитацию феодальных ценностей, когда спонтанно родились идеи о проверке догматических представлений разумом, о суверенности народа, а не императора, о равенстве людей разных сословий, о творческой свободе личности; в Китае существовали те же «кризисные настроения», что и в Европе XVIII в., и когда исследователи вскрывают эти явления, они проводят не метафори-

«к» Платона в Италии конца XV в. всего лишь эпизод истории религиозно-философской мысли Возрождения; самое характерное же для него стремление построить новую систему мировоззрения» («Запад и Восток», стр. 274)

²³ См.: С. В. Тураев, Спорные вопросы литературы Просвещения, — сб. «Проблемы Просвещения в мировой литературе», М., 1970, стр. 28.

ческое, не феноменологическое сближение, а существенное, родовое, т. е. дают явлению научное определение.

Сторонники «династийной периодизации» китайской литературы выступают против обобщений, боясь, что им придется заново осмыслить, по-новому организовывать колоссальный материал китайской литературы, применяя к ней терминологию, которая и у исследователей западной литературы подчас не получила еще должной четкости (например, спор о термине «просветительский реализм»). Но ведь эта терминология потому, может быть, и не получила желаемой четкости, что у нее нет полноты индукции, — исследователи не располагают всем материалом мировой литературы, а, как показали работы Н. И. Конрада, на всемирном материале многое прорезывается яснее.

Смысл работы Н. И. Конрада в том, что он рассматривал литературу как процесс, расчленил этот процесс, искал и находил его последовательные формы, раскрывал смысл их смены, и, не упуская из виду влияния на литературу базисных явлений, выявлял основу «самодвижения» литературы. По существу говоря, он шел к созданию некоей «менделеевской таблицы» литературных фактов, которая была бы сложна уже в силу того, что в литературе (в отличие от химии) непрерывно рождаются все новые и новые «элементы» — художественные произведения. Начала этой «таблицы» Н. И. Конрад искал в самом начале истории литературы — в древности и в средних веках. Именно в ранних формах литературы особенно наглядна общность процессов в разных странах и регионах. В ранние периоды отчетливо видно, как на определенной стадии культурно-исторического развития человечества возникали сходные явления зачастую независимо от влияний и заимствований.